

Вера Камша Рыжий вечер

Стурнийские мозаики – 3

«Герои на все времена»: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-41799-5

Аннотация

Они встретились совершенно случайно. Страсть, вспыхнувшая между ними была как яркая звезда. Но не все лирические истории заканчиваются свадьбой. Агапе и Марк были вынуждены расстаться. И теперь она ждет...

Вера Камша

Рыжий вечер

(Стурнийские мозаики — 3)

*Все богатство мое — песня да гитара,
Ласковые струны да вечер синий,
А еще есть заветная молитва:
Чтоб грехи забылись да сбылись надежды.
А надежд у меня всего четыре:
Летом я живу в надежде на осень,
А когда от зимы я устану,
То вновь на весну надеюсь...*
Юрий Борисов

*Кабы мне такие перья
Да такие крылья,
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я...*
Николай Заболоцкий

Часть первая

I

Стурнийская империя
1256 год Счастливой Эры

Небо было иссиня-лиловым, а на западе рыжим-рыжим, как цветки календулы, и по нему, низко наклонив рогатые головы, мчались свинцовые быки с мощными загравками. Их кусали за ноги юркие гончие, над ними кружили совы, и все — и псы, и быки, и птицы — были облаками, летящими сквозь закат, а он догорал. Догорают все — день, лето, молодость, человек, империя, звезда... Даже само Время когда-нибудь да сгорит.

— Время тоже когда-нибудь сдохнет, — сказал фавн и с хрустом раскусил рыжее — тоже рыжее — яблоко. — Да и шут с ним! Не жалко.

— Не жалко, — согласился Марк Карменал и подкинул в огонь пару шишек.

Костер горел, и небо горело. Оно казалось таким огромным, не то что огонек на краю чернеющего поля, только костерок будет жить и в ночи.

— Уплываешь? — Козлоногий зевнул и погладил свирель. — Нет бы налить, а то я весь язык отболтал с твоими титанами. Ну, жили, ну, не живут больше, тебе-то что?

— Любопытно, — соврал Марк и потянулся за плащом. Его ждала девушка. Странная девушка, которой не место в придорожной харчевне, но Агапе отыскалась именно там. Юная золотоволосая богиня, дочь радушного толстяка и жадной стервы. Богиня и фавн — не многовато ли для полного кур, сплетен и пыли местечка?

— Ты только при козулечке своей не сплехуй, — хмыкнул козлоног. — Девчонки, они такие, злятся, когда на луну таращатся, а не на них. Или давай я за тебя схожу, небось не напутаю...

— Нужен ты ей!

— А ты? — Фавн поскреб за ухом. — Ходят тут... Зарятся на цветочки.

Человек отмахнулся и растворился в темноте. Козлоногий знал много и еще больше выдумывал, но других готовых говорить о павших царствах Марк не нашел, сколько ни искал. Люди не помнили, кентавры злились, и немудрено — то, о чем стыдно и страшно вспоминать, забывают. Из всех сил. Вырубая рощи и виноградники, придумывая новые имена, срывая до основания храмы и башни... Странно, что люди с конягами не попытались засыпать Стурн, разве что поняли, что убивать озера и горы дано лишь Времени. Убивать, размывать, уносить, что угодно...

Время не создает, не порождает, а рушит. Люди, что б ни плели жрецы, такие же дети Неба, как сгинувшие титаны и вымирающие полускоты. Бесплодное, полное зависти божество лишь натравило смертных на вечных, только это не повод возносить ему хвалы! Марк и не возносил, как не кланялся натыканным по всему Стурну императорским истуканам и не давал взятку императорским чиновникам; впрочем, давать было нечего — певец был бедней ящерицы. Обычно это его не заботило, но сейчас Марк не отказался бы от пары монет — купить Агапе опаловый — именно опаловый — убор. Колдовской камень как нельзя лучше подходил светлоглазой волшебнице, вчера потеснившей в душе Марка прежний мир и нынешние дороги. И ведь видел лишь дважды, а говорил и того меньше!

* * *

Отец засел за кувшин с очередным «лучшим другом», мать и бабушка были заняты в харчевне, сестры и брат спали. Оставались вечно торчащий у окон судья Харитон и сплетницы у источника — этих точно улицей не обойдешь. Агапе воровато оглянулась,

раздвинула похожие на бурьян отцветшие мальвы и, рискуя порвать платье, перелезла через забор. Ни домашние, ни соседи не заметили, а на дороге никого не было: Кробустовы овраги путники предпочитают миновать засветло. Девушка снова огляделась, метнулась за стерегущие деревню тополя и замерла, прижавшись спиной к морщинистому стволу. Она ни разу не выходила ночью со двора и ни разу не встречалась с парнями. Старшие называли дочку харчевника послушной, подруги — трусливой, а ей просто не хотелось.

Сыновья соседей Агапе не нравились, может быть, потому что мать с бабушкой, выбирая жениха, пересчитывали чужое добро со сноровкой мытарей. «Невеста» молчала и думала о чем-то ей самой непонятном, а вчера это непонятное вошло в дом и улыбнулось.

Было слегка за полдень, и девушка срезала с обвивавших веранду лоз поздние гроздья... Нет, тогда она ничего не поняла, мало ли кто заворачивал в харчевню. Агапе просто стало любопытно, что за песни принес загорелый бродяга с китарой. Она услышала их вечером, услышала и рассмотрела певца. Тот, почувствовав чужой взгляд, обернулся. Их глаза встретились, и все вышло, как в песне... Гости стучали кубками и стаканами, смеялись, грустили, приосанивались, но струнный звон и нежные слова принадлежали Агапе.

По улицам прогнали коров, звякнул вечерний колокол, и бабушка отправила внуков спать. Лечь казалось невыносимым, и девушка устроилась на окне, не зная, что делать, куда бежать, кого и о чем просить. Песни стихли, гости утихомирились, поднялись к себе, как всегда переругиваясь, родители, а она смотрела на вдруг приблизившиеся звезды и повторяла слова чужой любви, ставшие ее собственными. Потом Агапе все же легла и даже уснула. Сон был светлым и тревожным, как ранняя весна, а утром девушка столкнулась с певцом. Разговор вышел коротким... Единственный их разговор, прерванный бабушкой с ее половиками. Марк просил, и она обещала вечером выйти. Она вышла. Она ждала...

— Вот ты где!

— Я... Я тут.

— Вижу. Разве можно не увидеть звезду?

— Не говори так...

— А как мне говорить? Я никогда еще не держал звезду за руку. Странное чувство.

— Я не звезда!

— Врешь... Ты звезда-врунишка, вот и врешь...

Он не верил, а Агапе верила. Каждому слову, взгляду, улыбке. Она, всю жизнь слушавшая про похищения, изнасилования, обманы, не боялась и не сомневалась. Вспыхивали у горизонта синеватые искры, шелестели сухие травы, важно плыл по небу лунный щит.

— Раньше на нем проступали лики богов, потом люди подняли руку на бессмертных, и боги отвернулись. Нам остались лишь пятна.

— Это сказка?

— Нет, потому что я знаю только одну сказку. Это — ты.

Сказкой была не Агапе, сказкой была эта ночь и двое, бредущие рука об руку по ставшему небом полю. Он спрашивал, она отвечала, она спрашивала, он рассказывал. О великом озере и великом городе. О канувшем в воду храме. О прекрасных титанах, что когда-то ходили по земле. Они были светловолосы и светлоглазы, как Агапе, они не знали старости и болезней, а потом проснулась зависть, и красота иссякла...

— Это трудно понять, — сказал Марк. — Как бы я хотел их вернуть и показать тебе...

— Трудно понять? Почему? Они... эти золотые были другими... Не такие, как, как... — Понять легко, трудно высказать, объяснить, как не хочется слушать про женихов, налоги, шерсть и муку, как тошно глотать уличную пыль и улыбаться судье Харитону...

— Они были такими, как ты, Агапе. А может, ты из них? Я состарюсь и умру, а ты будешь срезать виноград, улыбаться и ждать своего золотоволосого и вечно юного...

— Я буду ждать только тебя. Всю жизнь!..

* * *

— Где ты шлялась? Где, я тебя спрашиваю?! Дрянь! Дура неблагодарная...

— Пой, Хриса! Может, еще ничего...

— А то не видно!..

— Хотя бы и видно, нечего орать! Услышат еще... Живо в дом!

Мать послушалась, схватила Агапе за руку, так что девушка едва не закричала, и потащила к кухонной двери. Бабушка переваливалась следом, отца видно не было. Дом и улица спали, небо было полно звезд, но они стали тусклыми, как стекляшки, к которым пристало мыло. Бабушка закрыла дверь, мать, больше ничего не стесняясь, ударила дочь по щеке. Это было не больно, не так больно, как впившиеся в запястье ногти, но Агапе заплакала. От обиды, от того, что полет кончился в пропахшей вчерашним соусом кухне.

— Плачешь? — прошипела мать. — Раньше надо было! Кто?! Судья или кобель этот захой?!..

Отвечать было нельзя. Слова бы добились то, что еще трепетало на краешке души, что нельзя было отдавать. Мать с бабушкой зло спорили, но они не спорили и не ссорились, только ругаясь с отцом. Ей повезло, что бабушка не спала. Наверное, повезло...

— Ты дала?! — Они с Марком стояли так же близко, только там были любовь и небо, а здесь — злоба и доски над головой.

— *Мне пора.*

— *Уже?*

— *Ох, я и так...*

— *Звезды утром меркнут, я знаю...*

— Ну?! Молчишь?! — Как кривится материнский рот, как уродливо кривится! — Ты только глянь на нее...

— Я гуляла, — вдруг сказала Агапе, — я ходила к оврагам...

Мать опять зашипела, а бабушка вдруг толкнула Агапе на скамью. Ее осматривали, как какую-то овцу. Девушка не кричала и не отбивалась, только стиснула кулаки и поняла, что до сих пор сжимает сорванную Марком веточку бересклета. Все, что осталось от счастья.

— И чего орать было? — Бабушка отобрала зеленый прутик, зевнула и вытерла руки прямо о платье. — По себе судишь, коза гулючая? Не видишь, что ли, гадать она бегала. Наслушалась, не без того, так все уши развесили, даже мордovorот твой, а уж девчонка-то! Да еще и луна полная...

Ей все-таки повезло и с бересклетом, и с луной. В полнолуние у оврага срезают ветки и кладут под подушку — увидеть жениха. Только она никогда не искала женихов, а гадать... Она все знает и так!

— Выпей горячего и ступай спать. Может, и впрямь кого увидишь. Только не сукновала...

— А чем он плох?! — вскинулась мать. — Сейчас за одно одеяло больше дадут, чем за...

Сукновал, мукомол, племянник мытаря... Хорошо, судья Харитон женат, уж его-то родители не упустили бы.

Девушка сбежала под спор о ценах на перо. Знай Агапе, где сейчас Марк, она бы бросилась за ним в чем была, но певец ушел, то есть это она ушла, потому что спешила домой. Время Всемогущее и дочери его вечные, ну почему, почему она вернулась?!

* * *

Если не уснул ночью, на рассвете не уснешь и подавно. Позже — запросто, но когда тьма становится дымчатым хрусталем, просыпается богиня дорог и зовет. Ее зов слышен не всем, но властен над всеми слышащими. Марк слышал, и еще он все равно уходил. У певца

две жены — дорога и китара, третья ему ни к чему.

— Так я и знал! — подал голос фавн, которого пришлось растолкать, ибо козлоног дрых на дорожном мешке. — Врал ты все. Гулял он... Лежа тоже гуляют, когда гулящие.

— Подвинься! — не стал вдаваться в подробности певец. — Или вставай, если жрать будешь.

— И кушать, и пить. — Козлоног уже сидел на корточках, раздирая пальцами кучерявые лохмы, из которых лихо торчали рожки. — Ты меня разбудил, ты меня и корми!

— Доставай. — Марк кивнул на мешок, который был слишком тяжел, чтоб его волоочь до следующей харчевни, где будут песни, а значит, и хлеб, и мясо, и вино. — Что найдешь съедобного — твое.

Фавн и не думал церемониться: поесть он любил почти так же, как поболтать.

— Не приспичило б тебе девулю валять, — объявил он, — я бы к вечеру еще чего припомнил... Нет, ну какова! Один вид, что недотрога, хотя от козы — козленок. Хриса-то...

— Заткнись и жуй. — Марк красноречиво тронул дорожный посох. — Я, к твоему сведенью, ее ни разу не поцеловал!

— Тогда какого... — ошеломленный фавн аж выронил головку сыра, — какого... ушастого уматываешь?

— Про одно дело вспомнил. — Не окажись Агапе столь пуглива, он бы уже заработал счастье на ночь и ярмо на всю жизнь. Что бы он стал делать в этой деревне? Что бы делала Агапе на дороге? Она не канатная плясунья, ей нужен дом, ему — нет.

— Ты не вернешься, — изрек фавн, вздохнул и занялся сыром. — У нас есть дар предвидения... Время его не отобрало, просто мы почти передохли...

— Что ж тогда ерунду несешь, провидец?

— А прошлое мы не видим, — выкрутился козлоногий. — Откуда мне знать, спал ты с девой или нет. Вот что не выйдет у вас ничего, знаю. Вино тоже мое?

— Твое. А что ты еще видишь?

— А ничего не вижу! — сощурился фавн. — Ни дома тебе не вижу, ни жены, ни денег, пыль сплошную... Ну, и вино. Догонит оно тебя, и правильно. Что ищешь — не найдешь, так хоть пьян будешь, а пьяному умирать и то весело, хотя тут с тобой что-то не то... Не людской твоя смерть выходит, то есть совсем она не выходит!

— Без смерти я как-нибудь обойдусь. Ладно, прощай, раз не свидимся.

— А может, и свидимся, — сменил гнев на милость фавн. — Вот брошу свои овражки и подамся... куда-нибудь. Полтора ста лет здесь сижу, надоело... Может, своих найду. Ну не переели же их, в самом деле?!

— Тогда ищи меня в пыли! — Марк привычно подхватил полегчавший мешок и приладил поверх него китару. Ему уже хотелось шагать под светлеющим небом, глядя, как меркнут звезды и черные силуэты распадаются на деревья и дома. Он уже шел, напевая что-то пока непонятное, радуясь утру и вспоминая вечер. Рыжее небо, облачная охота, ожидание... Хорошо, что ничего не случилось: выпитая любовь становится головной болью, недопитая — песней. Песни так и приходят, проступают сквозь скрип дорожной пыли, обрастают словами, бережат душу, пока не стекнут с языка и пальцев, став чем-то сразу твоим и чужим.

Тот закат не твой, ты же вечен,
Та звезда — не твоя предтеча,
Та мечта не тебе под силу,
Та Она не тебя любила.
Не любила и не полюбит...
Черный бык, черный пес, лунный бубен...

За спиной кричат петухи, восток наливается розовым, шелестят еще не облетевшие ветви. Холодно, радостно, и как же много дарит дорога, если ей служить и молиться, если

вверить себя ей и только ей. Уходить от несбывшегося в рассвет — это как срываться с тетивы и лететь к солнцу, просто к солнцу, никого не убивая...

Утро пей, уходя от ночи,
Чтобы вечности стать короче...

II

Снежинки отрывались от серых туч, чтобы найти свой конец на раскисшей земле. В полете они казались серыми, но на заборах и крышах высились белые подушки. В такую пору по дорогам разъезжают разве что гонцы и самые жадные из купцов, ну или если у кого-то неотложные дела. Ждать певца мокрой ветреной зимой глупо, только Агапе все равно ждала. Жила и ждала, иногда чему-то улыбаясь, иногда плача.

Девушка закусила губу, прогоняя навязчивые слезы, и вернулась в дом. В углу судья Харитон все еще договаривался с матерью и бабушкой о жертвенных курах. Больше в зале не было никого — харчевня поутру пустовала, это позже в нее набивались переделавшие дневные дела мужчины, но ими занимались старшие.

Мать быстро обернулась на скрип, увидела Агапе, ничего не сказала. Судья неторопливо поднялся, оправил отороченный мехом плащ и прошествовал к выходу, одарив Агапе милостивой улыбкой. Девушка заученно поклонилась. Бабушка пошла провожать важного гостя, мать принялась убирать со стола.

— Агапе, — вдруг спросила она, — помнишь старшего писца Карпофора?

Агапе помнила. Мать вытерла руки и велела сесть.

— Судья будет доволен, если ты выйдешь за него замуж. Судья очень ценит усердие Карпофора и хочет поселить в своем доме, но живущий в доме писец не может быть холостым.

Почему Харитон ходит в харчевню сам, а не присылает домоправителя, Агапе понимала. На это ее невеликого опыта хватало, да и подружки постарались — объяснили. Судья был немолод, богат и имел родичей в столице. Он привык получать, что хотел, и восемь лет назад взял в жены первую местную красавицу. Елена все еще была хороша, но Харитону жены было мало, в деревне об этом судачили на каждом углу...

— Опять молчит! — Мать с силой шваркнула на стол медный поднос. — Ох и удружило мне Времечко со старшенькой! Истукан ходячий... Может, ты еще и оглохла? Судья Харитон хочет...

— Хочет-перехочет! — Отцовский рев раздался неожиданно, так неожиданно, что мать вздрогнула. — Скот безрогий!.. Моя дочь ему не подстилка... Расторговался тут! Да кто он такой, чтобы пасть вонючую разевать?! За Перонт бы его, поглядел бы я... А ты, ты чем думаешь?! Дочкой торговать собралась! Дочкой!!!

— Заткнись! — Подоспевшая бабушка загородила мать. — А ты сам? Не купил мою Хрису, скажешь?! Свалился тут нам на голову... Орясина приграничная. Небось тогда деньгами в нос тыкать не стеснялся!

— Судья почище тебя будет! — Мать уперла руки в бедра. — Харитон не воняет хотя бы... Вينيщем не воняет...

— А ну заткнись! Обе заткнитесь!!! — Отец ухватил скамью, мать с бабушкой шарахнулись к стене. Раздался грохот, скамья врезалась в стену. Другую. С полки рухнул и разлетелся вдребезги цветастый кувшин, мерзко заголосила в своей клетке ученая птица, и, словно в ответ, зашлась слезами мать.

Отец топал ногами и орал, что отдаст дочку тому, кому не медяк цена... И кто не дерьма кусок, хоть бы и в золотой миске... Он напишет друзьям... Они приедут. Это такие молодцы, не то что... Ага, молодцы. Толстые, вечно пьяные, крикливые. Зачем, ну зачем это все?.. Зачем мать вышла за отца? Зачем у них родилась она, Агапе? Зачем она сама...

Хлопнула дверь — мать, закрыв лицо, выбежала на двор. Отец с бабушкой продолжали кричать, загородив проход. Выйти, не зацепив их, было невозможно, и Агапе сидела, где ее посадили. Сложив руки на коленях и глядя в оставшуюся открытой дверь. Снег все шел, было очень холодно.

* * *

— Хуже женщины на шее только колодка! — засмеялся Марк и прижал ладонью струны. В таверне загоготали, и Марк запел снова. О фавне и вдове. Песенка была новой — в последнюю осень богиня дорог послала ему много песен — смешных, странных, тревожных, нежных... Сегодня он пел глупые и веселые, пел и пил. На улице дождь мешался с несчастным в столице снегом, но от этого лишь становилось веселее.

Зима начиналась замечательно, деньги и те появились, Марк подумал и пошел в Стурн. Отец городов певца тянул давно, но на сей раз Марк думал не о состязаниях поэтов, где ему с его виршами делать нечего, и не об умных столичных красотках, для которых удачная ночка не повод для утренних слез. Певец решил наконец увидеть то, что осталось от все сильней занимавших его мысли бессмертных. Он даже был готов заплатить караулившей Черный мыс императорской саранче, но вмешались увязавшиеся следом тучи.

Стурн утонул в серой пелене, воды озера стали тяжелыми, словно их покрыл слой сала, а день сжался в короткую полутьму. Красть и блудить в такую погоду — одно удовольствие; красть и блудить, но не искать осколки вечности. Марк ждал высокого неба, пел и копил деньги. Завсегдатаи харчевен были щедры, еще щедрей, чем в провинции.

— Ха! — Подвыпивший дядька в зеленом хлопнул Марка по плечу. — Давай про лысую башку и лысую задницу!

— Я знаю только свои песни! — отмахнулся Марк. — Задницу я еще не воспел, но могу про голову. С рогами.

Зеленый на рога согласился, Марк ударил по струнам и скорчил рожу, вокруг с готовностью заржали. Над обманутыми мужьями всегда ржут, но сколько из ржущих сами рогаты?

И в самом деле я в хлеву,
И кто бы мог сказать?!
И кто кричит — не разберу,
Жена или коза?

Обреченная на успех песенка летела к закономерному концу. Глупый пьяный муж раньше времени проснулся и вполз в спальню. Умная жена и молодой любовник ткнули ему в нос козий мех и заблеяли.

Опять орет, опять бурчит!
Проклятье, как я зол!
И рог откуда-то торчит.
Так, значит, я козел?!
Да, я — козел, да, я козел,
Слипаются глаза...
Подвинься, дура, муж пришел.
Ну, живо, ты, коза!

Марк подмигнул слушателям, и те радостно взревели, подхватывая припев. Сопрет кто-нибудь! Точно сопрет, и ладно... Козу не жалко, а то, что жалко, он где попало петть не станет.

— Тебе *это* нужно? Именно *это* ?

Чисто выбритый, высокий, лобастый. Одет не то чтобы богато — с придурью. Не для простецкой харчевни.

— Что мне «не нужно»?

— Я пришел в этот вертеп, чтобы тебя услышать, — лобастый говорил очень тихо и очень четко. — Мне рассказывали о тебе, я решил проверить, так ли хорош этот неуловимый Марк Карменал в самом деле. Все мои ожидания были превзойдены. Твое место не здесь, певец. Тебе слишком много даровано, чтобы за гроши орать про коз.

— Вот как? — О том, что ему дадено, Марк и сам знал, но это было его дело. Его, а не лобастого шептуна! — А кто ты такой, чтобы меня поучать?

— Я не назвался? Извини. Мое имя Спурий Физулл.

Это наверняка что-то значило, тем более в столице, но узнавать подробности певец не спешил.

— Ты можешь быть кем хочешь, а я пою то, что хочу и кому хочу! — Марк осушил далеко не первую кружку и стукнул ею по столу, привлекая внимание. — Друзья, хотите песню о двенадцати конягах и одной кобыле или о двенадцати кобылах и одном коняге?

* * *

Под ногами дразняще поскрипывал снег, в небе не было ни облачка. Зима, шестнадцатая зима Агапе, металась, словно тоже была влюблена и покинута. Хмурые оттепели сменял ясный холод, дразнил негреющим солнцем и сбегал, укутавшись в полные мокрого снега тучи. Бабушка твердила о дурных приметах, отец пил, мать ко всем придиралась, но уходить из дома, каким бы постылым тот ни был, девушка боялась. Одинокая путница на дороге — легкая добыча. Выдать себя за мужчину она не сумеет, а женщину со стриженными волосами наверняка сочтут беглой рабыней. Оставалось навязаться кому-то из постояльцев, но подойти и попросить взять с собой? Что она скажет, чем расплатится? Ничего своего у нее нет, а обобратить родных Агапе не могла.

Конечно, ее всегда возьмут в храм, но про младших жриц судачили не меньше, чем про ловцов женщин. Судья Харитон пожертвует Времени пару телок и получит что ему нужно. А не Харитон, так другой или другие... Агапе тоскливо вздохнула и свернула к оврагам, к вцепившемуся в край обрыва бересклету, у которого ей перепало немного счастья. Она убегала туда всякий раз, как позволяли домашние дела и погода. Постоять у тоненького деревца, на котором до сих пор уцелело несколько похожих на цветы плодов-коробочек. Агапе даже не пыталась их сорвать — у нее уже был подарок Марка.

Веточка с одобрения бабушки стояла у изголовья кровати вместе с восковыми цветами, которые Агапе мечтала выкинуть. Толстые лоснящиеся розы напоминали о том, что это спальня невесты. Неважно — чьей, но невесты, и к осени ее продадут. Родители ссорились, покупатели тоже ссорились, спастись можно было лишь бегством. Если Марк не вернется, придется бежать, только как и куда?..

Что ее с силой толкнуло в спину, девушка не поняла и еще меньше поняла, как она не сорвалась вниз. Тело как-то удержало равновесие, закачались зеленоватые прутики, с них посыпался снег. Все еще ничего не соображая, Агапе попыталась повернуться, ей не дали — навалились на спину, обхватывая шею. Напавший пытался спихнуть жертву в овраг, но Агапе повезло — левая нога встретила вросший в землю валун. Девушку дернули в сторону, щиколотка подвернулась, Агапе упала на четвереньки, увлекая с собой неведомого врага. Перед самыми глазами дрогнули высохшие зонтики фенхеля, ладони обожгло снегом. Тот, на плечах, взвизгнул, завозился, раздался снежный скрип, хватка ослабла.

— Эгей, — потребовал звонкий мужской голос. — Эгей... Не дури! Пусти девулю... Пусти, знаешь ведь...

Пустили. Агапе кое-как поднялась, коснулась щеки рукой. Мокрой, холодной, и сразу

стало холодно везде. Девушку бил озноб, но она заставила себя обернуться. Кто-то кудлатый, блестя зубами, удерживал женщину в богатом плаще. Елену!

— Эгей! — Лохматый рывком развернул добычу лицом к себе. — Опомнилась?

Жена судьи злобно рванулась. Не вышло — кудлатый знал, что делает.

— Нет еще? Ну, подури, подури, а я подержу. Не жалко.

— Пусти!..

— А лягаться не станешь?

— Пусти, скот!!!

— Только снизу, моя радость. И разве это тебе не нравится?!

Кудлатый со смешком разжал руки, Елена отпрянула и застыла, хватая ртом воздух. Покачнулась, отшагнула от оврага и вдруг побежала. Наверное, быстро, но Агапе казалось, жена судьи топчется на месте, только желтый плащ мечется, как простыня, которую повесили сушить.

— Эй, — раздалось под ухом, — хочешь песенку?

— П-песенку? — переспросила Агапе. — К-к-какую?

— Такую. На, хлебни...

Агапе хлебнула и узнала отцовское вино — не по вкусу, она вина не пила, по острому полынному запаху. Девушка вздрогнула и торопливо глотнула, а облетевший бересклет вдруг запел о весне, которая вовсе не была страшной.

Это Физулл сочинил песенку про лысых, которую распевали на каждом углу! Распевали громко, весело, нагло, не оглядываясь на «ос» и «трутней».¹ Кто сказал, что это у императора не отличишь голову от задницы? Мало ли в Стурне безволосых? А что это вы так смотрите? Уж не думаете ли, что наш великий, наш обожаемый Постум выжил из ума?

Постум Марка не волновал, мало ли кто сидит на троне, и вообще какое певцу дело до императоров? Хочется Спурию Физулли задраться — его право, только песни о козах ничем не хуже.

— Как сказать. — Физулл был упрям, но за этот ужин платил он. И он же обещал рассказать о фертаровских фавнах. — Как сказать, певец. Ты смеешься над тем, над чем смеются все, кроме обманутых мужей. Подобный смех не делает людей умней и смелее. Я смеюсь над властью, а осмеянная тирания перестает быть страшной. Стурн гниет с головы, я объясняю это телу, пока оно смертельно не поражено. Нам нужна другая голова...

— Мне и эта сгодится! — Есть Марк больше не мог только пить. — Оторвать голову можно, но как ее прирастить хотя бы курице? И вообще новое начальство всегда хуже предыдущего, поэтому пусть живет и пасется нынешнее. Да здравствует император!

Физулл поморщился. Он чего-то хотел, иначе б не прицепился.

— Я сужу о тебе по песням. По лучшим твоим песням. Как можешь ты, певец великого, ясного прошлого, мириться с настоящим?! В Стурне невозможно дышать. Чиновники позабыли слово «честность», мытари готовы обобрать каждого, жрецы сами не верят своим словам, а глупцы, которых стригут, только блеют... Волки и овцы — это и есть Стурн. Империя, где вольготно лишь мерзавцам, а спокойно только дуракам и спящим, но заснувших среди ядовитых испарений нужно будить! Даже если это им не нравится. И делать это некому, кроме нас! Это наш долг, твой долг...

— У меня не бывает денег, — не согласился Марк. — А нет денег, нет и долгов.

— У тебя есть долг перед одарившим тебя Небом, а деньги... Они тебя отыщут. Не сразу, а когда будут нужны. Старость приходит ко всем людям, Марк Карменал, а ты — человек, хоть и поешь о титанах. Я слышал, у тебя есть песня о защитниках Стурнона, спой ее мне.

— Я оставил китару в своей харчевне. Спасибо за обед, он пришелся кстати, но я его не выпрашивал, так что это не долг.

— *Это* не долг, ну а китара... Она есть не только у тебя. Лучшие инструменты делают в Велоне. Попробуй.

Марк попробовал. Чужестранка ответила звуком дивной глубины. Певец любил свою неизменную спутницу, но жене не сравниться с богиней!

— У нее хороший звук. — Марк пытался быть спокойным, но владелец богини теперь казался неуместней худшего из мужей. — Только вряд ли такая красotka будет рада моим дорогам.

— Она боится дождей меньше стурнийских ухoderок. Тебе надо обзавестись велонской китарой, но мы к этому еще вернемся. После песни.

— Эта песня не закончена. — Петть не тянуло, но отказать уже было нельзя. — Может, Стурнон отдаст мне ее до конца. Даже из-под воды...

— Может. — Физулл и не подумал улыбнуться. — И, может, он пробудит твою совесть, совесть гражданина, а пока пой как есть. Я, знаешь ли, шесть раз судил состязания поэтов в надежде открыть в ком-то священный огонь. Бессмысленно. На императорскую сцену идут продавать себя, это тот же лупанар! Гимны императорам, оды императорам, статуи императорам... Ты хочешь видеть священный мыс титанов? Ты его увидишь вместе с мраморным уродством в честь побед императорского предка. Побед!.. Тогда и войны-то никакой не было, но разве подхалимам нужна правда? Они целуют задницу и гребут из этой задницы золото. Говорят, деньги не пахнут, и это правда. Смердят стихи, написанные за

¹ В Стурне городскую стражу в шутку называют «трутнями», а шпионов — «осами».

деньги! Тот, кто опустился до такого, потерял и для богов, и для искусства. Достаточно вспомнить Аппия Фертара. Как он начинал и как кончил... Глупец, предавший совесть, память, семью за возвращение в столицу, за возможность читать свои вирши одержимым войной мерзавцам... Мерзость и предупреждение всем нам!

Я стал искать тех, кто чурается властей предержавших, и узнал, что некий Марк Карменал расспрашивает про фавнов и что песни этого Марка звучат по харчевням. К сожалению, не те песни, что нужны Стурну. И это не те песни, что нужны Небу.

— Я пою, что поется. — Сколько можно трепаться, но китара хороша! Она хочет петь, она требует настоящего. Главного... — И я не молюсь никому. И не собираюсь. Ты хотел про бессмертных? Это не та песня, что я хочу; пока не та...

Не останется нас — ни в крови, ни в молитвах, ни в песне.
Не останется храмов, мозаик, мечей и могил.
Мы уходим дорогою вечно тревожных созвездий,
Торжествуйте! Делите добытый предательством мир!
В нашем мире кружили над скалами птицы,
В нашем мире звук сплелся со словом и с летом лоза.
Мы уходим, и кто-то последней зарницей
Уходящей грозы...

Вломившимся стражникам был нужен не он — это Марк сообразил до того, как балбес с ликторским Ульем на шее сунул под нос Физулла свой перстень. Можно было отступить к стене и выждать, чем кончится. Или рвануть к черному ходу. Вместе с китарой, враз ставшей не нужной хозяину, но Марк отбросил жалко звякнувшее велонское чудо, ухватил остолбеневшего Физулла и поволок за собой, потому что... Потому что лобастый дурак доболтался! Тревожить императорскую задницу в Стурне и в самом деле не следовало. Если ты, разумеется, не хочешь на галеры.

* * *

Елена обещала деньги. Много. Пятьдесят стурниев, если Харитон не узнает про то, что было у оврага. И еще столько же, если Агапе выйдет не за Карпофора... Жена судьи говорила тихо и быстро, от нее пахло благовониями, она была еще красивей, чем всегда, она просила. Агапе стало ее жаль, но девушка только и сумела, что покачать головой. Она сама не понимала, почему не может взять эти деньги, ведь это не было кражей: Елена предлагала сама, но, увидев бабушку, торопливо распрощалась и прошла в харчевню, а на обратном пути глянула так, что девушка едва не кинулась бежать.

— Чего ей понадобилось? — Мать тоже все видела. Наверное, из окна.

— Так...

— Что «так»? Я должна знать.

Слова липли к горлу, но мать как-то догадалась. Не про все, но хватало и половины.

— Деньги совала? Чтоб Карпофора отвадила? Сколько?

Агапе сказала, сама не поняв как. Она всегда признавалась, когда ее спрашивали, почти всегда... Только про Марка молчала и про овраг...

— Полсотни! — хмыкнула вернувшаяся бабушка. — Совсем совесть потеряла! Да на ней самой в пять раз больше навешано! Что ты ей сказала?

— Ничего. Мне ее денег не надо!

— Полсотни не надо, а полтысячи... Заплатит, куда денется! Пожалуй, и тысячу найдет...

— Харитон не уймется, — перебила мать, — ни за тысячу, ни за десять. И эта стерва тоже... Со двора больше ни ногой, с Елены станется прибить.

Агапе кивнула. Она бы рассказала про овраг, но там жил фавн, а у фавна было вино. То вино, что приносила мать... Бабушка поджала губы и быстро пошла в дом — что-то вспомнила, мать задержалась.

— Выйдешь за Фотия, — объявила она. — Лучше свой осел, чем чужой конь, а с Еленой тебе не сладить... И в кого ты такая снулая?! Я бы знала, и что с судьей делать, и как гадюке зубы повыдергивать.

— Не хочу. Не хочу ничего делать ни с кем...

Агапе знала: сейчас случится что-то страшное, но говорила. Торопливо, путано, понимая, что ничего уже будет не исправить.

— Не хочу, как вы с отцом... Ненавидеть, кричать, и все равно... в одной постели. И в овраг к козлоному не пойду! Понимаешь, не хочу как ты! Пусть убивает... Но я не стану как ты, как вы все! Бабушка, отец, Елена эта... Вас даже мертвецы не заберут, вы уже — тени несытые, а я... я не могу так! К судь... к сукновалу... в овраг с отцовским вином... Не могу!

— Я тоже думала, что не смогу, — сказала мать и заплакала.

* * *

Стурна Марк не знал, но у него было чутье, не раз выручавшее хозяина, когда приходилось удирать, а удирал певец частенько. Он мало кому желал зла, но мужья бывали слишком подозрительны, трактирщики — корыстны, а стражники и мытари исполнены излишнего рвения. Драться Марк умел, но не любил — берег пальцы, вот и полагался на ноги и богиню дорог. Она не подвела своего баловня и сейчас, хотя Физулл в длинных, сразу намокших одеждах был еще тем спутником... Марк тащил вольнодумца за руку, подпихивал под зад, помогая перелезть заборы, толкал в канавы, но уйти им удалось.

На всякий случай Марк загнал Физуллу в закуток между двух сараев и прислушался. Топота и криков, сопровождающих охотящихся стражников во всех городах, слышно не было. Певец перевел дух и наскоро проверил кошелек и нож — они были на месте. Оставалось покончить с оказавшимся отнюдь не удачным знакомством, выручить старушкунитару и отложить припадание к истокам до лучших времен. На галеры Марк не хотел, а в рудники и того меньше.

Рядом вздрогнул мокрый Физулл, и певец не выдержал — ругнулся. Куда девать лобастого умника, Марк не представлял, но бросать его, такого, под забором, было сразу и подло, и глупо: мокрые тряпки в разгар зимы сведут в могилу надежней вольных мыслей, проще было не мешать ликтору.

— У тебя есть подружка? — деловито осведомился певец. Физулл возмущенно затряс породистой головой. Подружки у императорского врага не имелось, что в некоторой степени оправдывало высоту помыслов, но лучше бы помыслы были ниже. Не так больно падать.

— Нам надо покинуть этот город и эту страну, — объявил спасенный и чихнул.

— Сперва найдем харчевню поплоче. Ты посидишь, а я сбегаю за своим добром...

— Нет! — замахал пальцем Физулл. — Нет, нет и нет! Тебя уже поджидают и схватят, как только ты появишься. Я знал, знал, что придет день, когда придется бежать, спасая... нет, не жизнь, те ростки свободы и совести, которые еще остались в Стурне. Есть человек... Купец из Нинней... Он нас спрячет и переправит в Велон. Идем к нему.

— Ну уж нет! — С таким спутником не только в Велон, до перекрестка не доберешься! — Ты слишком мокрый, чтобы таскаться по холоду, и слишком грязный, чтоб гулять по приличным кварталам. Я схожу к твоему купцу сам, но купцы любят деньги и не любят ссориться с властями.

— *Этот* купец — друг. — Физулл на глазах обретал былую уверенность. — Он не возьмет денег, от нас не возьмет... И не жалеет о старой китаре. К нашим услугам будут лучшие мастера Велона. Там умеют ценить и слово, и сердце...

— И там ты напишешь про задницу велонского императора, или кто там у них?

— В Велоне — сенат. Настоящий сенат, не то что наша конюшня... Извини, я в самом деле начинаю замерзать. Ты уверен, что найдешь поблизости безопасное место?

— Уверен, если будешь только пить вино и чихать. «Трутни» по такой погоде плохо летают. Если я что-то понимаю в харчевнях, мы совсем рядом. Винные бочки где попало не валяются.

Марк угадал, или это богиня дорог не желала для певцов дурного конца. Харчевня была жарко натоплена и полупуста. Разомлевшие возчики, а гостями были именно они, на двух промокших до нитки чудаков даже не обернулись. Певец устроил спутника в дальнем углу, бросил хозяину пару медяков, велел подогреть вина, и для отвода глаз спросил, где отыскать девчонку пожарче. Хозяин объяснил, певец расстался еще с одной монеткой и, насвистывая, вышел в дождь.

Часть вторая

I

Агапе подрезала оплетающий веранду виноград и пела, потому что не петь не могла. Серенькое утро непонятно почему было прекрасным, а песенка ни о чем сама текла с губ. Вечером девушка долго не спала — думала, что делать с Карпофором и судьей, а сегодня распелась, будто какой-нибудь воробей. Воробей оказался тут как тут — слетел с крыши и зачирикал, Агапе счастливо рассмеялась и заметила у ворот гостя. Марка! Опомнилась девушка уже внизу, настолько опомнилась, что сумела оглянуться. У сараев совещался с конюхом отец, сквозь распахнутую дверь харчевни слышался голос бабушки.

— Я пела, — сказала Агапе, — а ты пришел... Я тебя услышала и запела.

— А ведь я молчал, — улыбнулось вернувшееся счастье. — Весна тебе к лицу больше осени. Ты всегда калечишь виноград?

— Нет. — Агапе опять рассмеялась. — Только... когда ты должен прийти.

— Привет, приятель! — прогремело от сараев. — Молодец, что завернул! Может, удержишься? Не пожалеешь — ко мне друзья собрались... Лучший винодел Стурна с семейством. Агапе, а ну живо кормить гостя! С недожора только на марше петь. Стой! Матери скажи, чтоб не жалась... А бабуку сюда гони, у гримзы руки золотые, как до живности доходит. У Ночки началось...

Это был их день! Тот самый день, когда удачи нижутся ягодка к ягодке, словно бусы. Отцовские приказы, умница Ночка, то, что мать с бабушкой были в доме, а она — на веранде... Сестра-Жизнь протянула их с Марком любви руку и улыбнулась.

— Иди в дом, — велела Агапе, — быстро! И садись...

Певец кивнул и вошел, Агапе просчитала до дюжины и вбежала в боковую дверь.

— Отец зовет, — выпалила она. — Он с Ночкой! Там уже...

Конечно, они пошли вдвоем — бабушка и мать. Марк уже сидел в углу за столом, гитара и мешок лежали рядом. У окна доедали свое мясо отрамские купцы, они заплатили за стол и ночлег еще вечером. Агапе схватила кувшин и миску. Если что, она льет гостю молоко.

— Ненавижу молоко, — признался Марк, — но из твоих рук хороша даже цикута. Выйдешь вечером? Осенью звезды — яблоки и падают, а сейчас они цветут.

— Выйду!.. Марк, ты... Я подам мясо, холодное, и... Мне надо уйти, только ты подожди. Я...

— Ничего не понимаю, но я в самом деле голоден как собака. И хорошо, что ты уйдешь. При тебе я могу только любоваться, так что умру. С голоду.

«При тебе»... Они больше не расстанутся, второй зимы, второй пустоты не будет, значит, она возьмет деньги Елены. Прямо сейчас пойдет и возьмет! Подло? Нет, ведь всем

будет хорошо, кроме Харитона, ну и пошел он к грифам! Елена сама предложила... Сама...

— Эгей, ты чего?

— Потом расскажу. Все-все...

* * *

Это ж надо было! Влюбиться, удрать, забыть, вернуться и вновь захмелеть. Никогда не надо возвращаться весной, или только весной и надо? Ведь ждала же, так ждала, что за десяток здешних стадиев почуяла, а сам он?

— Даже не знаю, — признался Марк. — Соврал, а потом вдруг подумалось, что оно и не вранье. Не совсем вранье.

— А что ты наврал? — сварливо уточнил фавн и почесал ногу, вырвав клочок зимнего пуха. — И что ты мог наврать?

— Не хотел в Велон тащиться! Помог тут одному... умнику. Он сдуру с императором заелся, вот его за жабры и ухватили. Хотя, знаешь, от мужей удирать труднее.

— Истинную страсть не подделаешь, — сообщил козлоног, — мужья бесятся всерьез, а стражники — за деньги. Меня тоже не поймали, лень стало... Тех, кто на Фертаровой вилле остался, забрали, не без того. Ну так нечего сидеть было... Чего в Велон-то не пошел? Там в горах, говорят, горгоны еще водятся, про титанов бы своих спросил.

— Нет там никаких горгон, а грифы — не цветочки, пчелкам без надобности. Вот китары у них хороши...

— Ну так за китарой бы сходил. Не даром же всяких спасать!

— А потом куда? На галеры?

— Там бы остался. У моря, с должником, с китарой... Песенки бы пел... В Велоне хорошо, даже зимы нет.

— А петь кому прикажешь? Макрели? Физулл этот скучней мидии. Все ему не так и будет не так, пока подружку не заведет... Вот я и ляпнул, что не могу идти — невеста у меня. Даже имя назвал. Агапе. Сам не знаю, как в голову пришло, ведь не было с ней ничего! После — было, и как лихо, а тут только звезды и пособирали...

— Ну и шел бы к тем, с кем было, сюда-то зачем?

— Спроси что полегче. Болтаться в Стурне я не мог; с Физуллом мы не первый день пили, не прятались, а страже мышей ловить надо. Убрался от греха подальше, а как сюда занесло, сам не понял. Красивая она все-таки...

— Красивая, — подтвердил фавн, — потому и жалко... Угроишь ты ее.

— Не люблю предсказаний, особенно таких, — прикрикнул Марк. — Совсем не люблю, да и врешь ты... Все фавны врут.

— Много ты фавнов видел.

— Ты — третий, и все врут.

— Ну так вали к конягам! Они врать не умеют.

— Зато дерутся. Когда про титанов слышат... И про вас.

— Ясное дело! Хотели во дворцы, а угодили из царской конюшни в мужичью, вот и бесятся. А не предавай!

— Вы лучше, что ли?

— Мы не лезли в чужие дрязги, — с достоинством объявил фавн. — Мы были, как ты сейчас, потому я с тобой и вожусь. Так точно женишься?

— Точно. Девушки любят свадьбы, так что будет Агапе свадьба.

— А счастье будет? Ей ведь счастье нужно, а из тебя счастье, как из меня коняга! Шел бы ты лучше отсюда.

— Шел бы? Вот заладил — «шел бы к тем», «шел бы к этим»... И что это ты меня все время выпроваживаешь, а? Никак слезки утирать собрался?

— Дурак ты! — Фавн опять принялся рьяно чесать ногу. — Тебе назло она со мной не

станет, а не назло не станет еще больше... Говорю же, жаль мне ее. Очнется на соломе, рядом — ты. Без песен, без штанов, и лето кончится. Выпьем?

— Выпьем. А лето как кончится, так и начнется. Не бойся, я ее не обижу.

* * *

Карпофор предлагал за невесту семь сотен стурниев, Марк положит перед отцом семьсот пятьдесят. Двести пятьдесят останется на свадьбу и дорогу — или просто на дорогу, если певцу откажут. Тогда они уйдут, передав выкуп через храм и уплатив пошлину, как делают все, кто женится без согласия родителей, назвав себя «детьми императора». Это дешевле свадьбы: за «пчелок»² писцы берут не больше пятидесяти, но Агапе не хотела ссоры, она так и сказала Марку, провожая его на ярмарку за подарками. Дома пока ничего не знали, но девушке казалось, что ее отпустят. Наверное, из-за Ночки, родившей лучшего в мире жеребенка, и потом, когда Марк пел, мать с бабушкой плакали, а отец... Отец тер глаза и клял чадающий очаг, а тот совсем не чадил...

Что-то шлепнулось на кровать. Абрикос. Зеленый и жесткий... Агапе вскочила и высунулась в окошко. Марк! С ума сошел!

В доме спали, так спокойно спят лишь перед рассветом, Агапе тоже бы спала — мешало счастье. Тормошило, нашептывало что-то странное, тянуло в поля и дальше к заветному бересклету. Марк здесь, они могут встретить рассвет, но если впереди сотни рассветов, один можно и отдать. Сейчас нужна осторожность... Девушка приоткрыла дверь в летнюю кухню. В углу сверкнули желтые глаза — кошка караулила крысу.

— Быстро же ты проснулась! — Марк чмокнул Агапе в щеку. — Опять подслушивала? За сколько стадиев?

— Нет, — невольно рассмеялась Агапе, — не подслушивала, просто не спала... А потом упал абрикос.

— Абрикос, виноград... Завтра обстриги, что хочешь, и соберись. Вечером я тебя уведу.

— Почему? — не поняла Агапе. — Мы же...

— Не выходит у нас как у людей. Делай со мной что хочешь, но твой кошель я потерял.

— Потерял? — переспросила девушка и почему-то села. — Как?

— Спер кто-то, а может, я сам посеял. То ли деньги дурные, не впрок, то ли богиня дорог вранья не хочет... Ничего, хлеб и мясо я всегда добуду! И голой ты у меня тоже не останешься.

— Значит, потерял...

— Сказать, что счастье не в деньгах, или сама догадаешься?

— Не в деньгах... Конечно... Ты хочешь, чтобы я ушла с тобой?

— А ты думала! Пойдем в Ионнеи, давно хотел там побывать... Быстро пойдем, нас не найдут, что-то у меня есть, на мулов и еду хватит, а петь поблизости я не буду.

— Марк, — сердце провалилось куда-то вниз, но она должна это сказать, — так нельзя... Я уйду, они останутся... Отец с матерью тогда совсем... А сестры... Скажут, что они такие, как я, а бабушка... Она хочет, чтобы все было хорошо, она не понимает, что мне не надо как у них! И как у Елены — не надо... Пусть дома думают, что мы, как положено... Это ведь не ложь, когда от нее всем лучше... Мы должны пожениться и уехать в повозке хотя бы до поворота, чтобы... Чтобы на сестрах не повисло, что... Что я сбегала с бродягой!

— Ну и что? Ты любишь бродягу, бродяга любит тебя. Мы ничего не крадем и никого не обманываем. Пусть сидят в своем курятнике, пусть им будет хорошо...

² «Пчелками» в обиходе называют скрепленный печатью с императорским Роем документ, что-либо официально удостоверяющий.

— Да не будет им хорошо! Понимаешь, не будет! Я уйду, а они... Это хуже заразы... Больной не виноват, беда и беда, а тут все из-за меня... Сестрам замуж не выйти, разве что отец друзей вызовет, таких, как он... Старых... Пьяниц...

— У тебя никакая сестра не сбегала, тебе весело жилось? Станет плохо, улетят... Как ты, как я... Думаешь, у меня родни нет? Как бы не так! Полдеревни родственничков, один другого почтенней... Ничего, ушел!

Марк не понимал! Не понимал, и все, а она не могла объяснить. И подлой быть не могла... Осенью, когда ее трясли и раздевали, она бы все бросила, но потом была Елена у оврага, козлоногий с его песенкой и отцовским вином, правда о матери... Мать стала такой не по злобе, она была несчастна, потому и плакала у ограды, и отец... Как он кричал, что не даст продать дочку, а дочка возьмет и сбежит... На радость Елене и сплетницам у источника, а ведь сестренки уже всю крутятся перед зеркалом. Бабушка ворчит, что дурехи лицом в отца, и это так и есть...

— Я... Меня берут замуж и так, а вот сестры...

— Еще б тебя не брали! Занеси к вам императора, он бы шмякнулся к твоим ногам. Даром что лысый.

— Ты не хочешь понять...

— Да понимаю я все! Свадьба, наряд, цветы в косах... Я тебе цветы каждую ночь рвать стану. Знаешь, какие в Ионнеях розы?

— Не знаю. Марк, я не пойду с тобой. — Обычно слезы текли из глаз сами, а сейчас как отрезало. Вот грудь чем-то сдавило и виски тоже.

— Ну, было бы предложено. Умолять не стану, только вором не считай. Не брал я твоих денег.

Теперь еще и в горле горит, или не в горле, а ниже? Агапе вздохнула, но словно бы не до конца.

— Уходи. — Она будто тонула изнутри, но глаза оставались сухими. — Увидят.

— Пусть. Вот ведь... Говорил же козлоногий, что не сладится, и не соврал. Предсказатель...

Агапе не дослушала.

II

Внизу орали песню. Громко и фальшиво — отец принимал друзей, они в самом деле приехали. Двое таких же харчевников и винодел, все с сыновьями. Агапе им показали, и теперь старики о чем-то сговорились, иначе бы не орали и мать с бабушкой не остались бы за столом. Мать все-таки зашла, сказала, что какой-то Публий поставляет красное ниннейское самому императору, и велела еще раз сменить платье. Агапе кивнула, ей было все равно, лишь бы уехать. Куда угодно. Она согласна жить без любви, без надежды, она так уже живет, но чувствовать себя вруней и воровкой?! А оставшись дома и не вернув Елене ее тысячу, кем она будет? То, что жена судьи вынуждена молчать, ничего не меняет, так даже хуже. Взять у того, кто не может не дать, и обмануть...

Харитон не отступался, лето кончалось, Елена несколько раз заходила в харчевню, но Агапе удавалось прятаться за бабушку и гостей, а со двора девушка не высывалась. Поля и овраг стали самым страшным местом на земле, и не потому, что ее там пытались убить.

Вернулась мать, заставила пройтись, расправила пару складок и велела сменить серьги на те, которые принесла. На тонких золотых цепочках качались камни, вобравшие в себя сразу росу, звезды и туман. Это было красиво, несмотря ни на что, это было так красиво...

— Вдевай, и идем.

Агапе послушалась; серьги не были тяжелыми, но они так непривычно качались. Закрылась дверь. Скрипнула лестница. Девушка знала, что ее просватали, не знала за кого, но значения это не имело. Мать живет с отцом, Елена — с Харитоном, выживет и она... с мужем. Наверное, у них родятся дети, дочери... Она не будет бить их по щекам, но и плакать

при них тоже не станет. Она выбрала такую судьбу сама. Не из-за свадьбы и не из-за семьи... Из-за того, что Марк оказался не тем.

— Дочка! — Отец, пошатнувшись, поднялся из-за стола. — Дочка... Эт... Гай... С-сын моего друга П-публия... Лучшего друга. Д-двенадцать лет рядом под Ид-дакловым роем... и под ст-трелами... Эт... тебе не судейская шкура... Каким с-сотником он был! К-к-каким сотником...

— Я знаю твоего отца тридцать лет. — Утром Агапе не запомнила всех лиц, но этот загорелый с проседью мог быть только Публием. — Хорошо, что в наш дом войдешь ты, а не... девица из «благородных». Гай не слишком хотел ехать, но тогда он не видел тебя...

— Теперь видит! — засмеялся губастый харчевник. Он был пьян, хоть и не так, как отец. — Хорошо, мы не взяли с собой баб... От баб такую п-преlestь нужно прятать... Разорвут. Я б твою Агапе взять в дом не рискнул... нет, не рискнул бы...

— У тебя не будет свекрови, девочка, — перебил Публий, — но Басса, останься она жива, была бы тебе рада. Гай, подойди к невесте. Пусть дети посмотрят в глаза друг другу. При нас посмотрят!

Гай — сын виноторговца Публия, а Публий богаче Харитона... Для матери и бабушки главное это. Гай — сын сотника, это главное для отца. Ну а ей нужно исчезнуть. Навсегда, и будь что будет!

— Да не смотри ты в пол! — потребовал отец, и Агапе заставила себя поднять глаза. Сын виноторговца был старше Марка, но не слишком, высокий, смуглый, курчавый, он мог нравиться девушкам, он наверняка им нравился...

— Да не смущайте вы ее! — раздалось из-за стола. — Диконькая она, сразу видно... Тем и хороша.

Диконькая? Агапе быстро повернулась, позволяя застегнуть на шее ожерелье из туманно-звездных камней. Когда крохотный замочек защелкнулся, девушка вздрогнула. Сидящие за столом захохотали и подняли кубки.

* * *

Недостроенный храм напоминал гигантский рыбий садок, а может, Марка бесила императорская наглость. Стаскивать непонятно чьи кости на Черный мыс было кощунством, но нет худа без добра: когда в залятое место пригнали каменотесов и дровосеков, стража убралась восвояси. Теперь среди пощаженных топором гоферов мог бродить кто угодно, но желающих было немного — о последней битве титанов не то чтоб забыли, просто живым это стало неважно. Тысяча двести пятьдесят семь лет — слишком не только для людей, но и для большинства деревьев, не потому ли на месте срываемых храмов Идакл велел сажать именно гоферы? Если б только они говорили, но разменявшие вторую тысячу великаны не снисходили до ползавшей у корней мелочи, даже когда их рубили. Титаны умирали так же, вот на этом самом берегу.

Марк пытался представить, каким был мир *тогда*, но воображение отказывало, разве что певец не сомневался: города побежденных превосходили города победителей, как истинный жемчуг превосходит поддельный, потому-то первые людские цари и запрещали подражать бессмертным. У наследников Идакла хватало то ли гордости, то ли ума отказаться от захваченных домов и сокровищ, мечи титанов и те отправились на дно Стурна... Потом их искали — не нашли. Запреты истончались, выцветали вместе с памятью; тянулись к небу гоферы, вымирали кентавры и фавны, дрались и мирились люди... Марк пытался написать об этом, иногда ему даже казалось, что получается...

Мы останемся страхом пред тем, что навеки исчезло,
Непонятной тоскою при виде забытых руин,
Вечной горечью твари бескрылой, замершей у бездны,

Ложью ваших преданий, правдивостью ваших морщин...

Еще утром строчки, пришедшие в голову на постоялом дворе, певцу нравились, здесь, среди гигантских темнохвойных колонн, за них стало стыдно. Марк, словно кому-то отвечая, с досадой махнул рукой и пошел вдоль обрыва. Мыс кончался обрубком — борода дикого винограда укрывала будто срезанные мечом скалы, внизу плескалась озерная вода, слишком мутная, чтобы разглядеть неблизкое дно. Марк добрался туда, куда хотел, и нашел камни, воду, багрово-зеленые предосенние лозы — и все. Странно было рассчитывать на иное, все это было глупостью, детской мечтой о прекрасном исчезнувшем мире, мечтой, превращавшей в сон настоящее, а ведь в настоящем тоже случается счастье. Любовь, дом, мастерство, признание, деньги, наконец, — глупо жертвовать этим в обмен на пустоту. Золотоволосые полубоги, сказочные дворцы, смолкнувшие песни, полно, да были ли они?

Человек лег на живот и, вцепившись в нагретый солнцем камень, свесился вниз. Тот же дикий виноград, тот же белый блестящий скол, та же словно бы дышащая вода. Вдох. Волна заливает плоскую, зеленую от озерной травы плиту... Выдох. Стурн возвращает добычу солнцу. Снова вдох, снова выдох... В странно знакомом ритме, в ритме шагов, в ритме сердца, в ритме дороги, той самой, на которую вступаешь в юности и с которой в любой миг можешь сойти, да не сходишь. Так дорога становится жизнью, так жизнь вытекает песнями...

С этих пальцев стечет бывшее
Чтобы стать звездой и судьбою,
И в груди непонятной болью
Дрогнет сердце уже чужое...

Это было не то, что он хотел сочинить, но пришло именно оно и оказалось правильным. Марк не выдумывал, не пытался представить разрушенное, не подбирал рифмы к заученным странным словам — это было не нужно. Озеро тяжело дышало, и человек дышал вместе с ним.

Обожжет тебя холод неба,
Станешь тем, кем ты сроду не был,
Пропоешь не свою дорогу
От богов к себе и вновь к богу,
От веков к себе и вновь к веку,
Ты войдешь не сам в ту же реку...

* * *

Агапе уезжала. Было немного жаль — нет, не немного, до почти осязаемой боли, только жалость эта не держала, не возвращала, а гнала вперед. Агапе помнила то хорошее, что было — а ведь было же! — но жила уже другим. Парусниками, скользящими по глади великого Стурна, ниннейскими виноградниками, ионнейскими желтыми розами... Она и раньше чуть ли не вживую видела, как уходит навстречу разгорающемуся дню; этот день пришел, и стало больно и счастливо. Так бывает на самом пороге любви, но любовь от Агапе отшатнулась, а счастье почему-то нет.

Во дворе сутились — таскали вещи, спорили, в который раз обсуждали дорогу и лошадей. Место молодой женщины было там, а она стояла на золотисто-красной от виноградных листьев веранде и смотрела на улицу, которую видела в последний раз. Все кончалось, и кончалось бы хорошо, если б не Еленина тысяча... Голоса на дворе стали тише — отец с бабушкой и Гаем вернулись в дом, Публий остался следить за слугами, если

просить, то сейчас...

Свекор не удивился, он вообще ничему не удивлялся, а тысяча для него деньгами не была. Агапе торопливо накинула плащ — имеет же она право попрощаться с... подругой. Мать рассеянно кивнула, бабушка усмехнулась, словно что-то поняла, и молодая женщина в первый и последний раз вошла в дом судьи. Харитон не появился. Елена удивилась, но улыбнулась. Агапе торопливо положила на стол кошелек.

— Здесь все.

— Сглазить счастье боишься? Не бойся, я тебе зла не желаю.

— Я не боюсь, просто... они не понадобились. Я собиралась... уехать, но... испугалась. Гая нашел отец, это совсем другое. Не то, за что ты платила...

— Я платила за любовь, за свою любовь... И еще заплачу. — Лицо женщины стало злым. — Харитон на кого-нибудь глаз все равно положит, не на тебя, так на другую, а мне... Мне моложе уже не стать. Когда-нибудь я его убью. Или ее... Хорошо, что не тебя, ты хоть и от Хрисы, а не сука. Езжай и будь счастлива хоть с сыном, хоть с отцом... Бери свое и не бойся!

— Что?! Что такое ты говоришь?!

— Правду и не со зла. Не губи себя, красивая. Люби, кого любишься... Кто один на двоих, тот и выбирает, а троим счастливыми не бывать. Либо двое счастливы, либо никто.

— Как же ты меня ненавидишь!

— Уже нет... Потому и говорю.

— Госпожа, — худющая, других Елена не держала, рабыня неуклюже поклонилась, — за госпожой Агапе пришли...

Жена судьи холодно улыбнулась.

— Мы уже поговорили. Не правда ли, дорогая?

— Да, — подтвердила Агапе.

Она вернулась на уже чужой двор и перецеловала родных. Отец, шмыгая носом, посадил дочь в повозку, свекор помог устроиться поудобнее, Гай тронул лошадей — он никому не доверял править ими. Застоявшиеся рысаки рвались вперед, дорога была ровной и почти пустой, и у последних домов Гай отпустил вожжи. Замелькали золотистые поля, поднялась, застилая прошлое, пыль. *Троим счастливыми не бывать, либо двоим, либо никому...* Что это? Проклятие? Благословение? Искушение? Пророчество? Она же никого не любит, не может любить после того, что было... А было ли? Спутать чужие песни со своей жизнью — еще не любить.

— Что притихла, дочка? Боишься?

— Нет!.. Сейчас будут Кробустовы овраги. Там гадают, я тоже гадала...

— Сбылось?

— Нет...

— Сбудется.

Поворот был крутым, и Гай чуть придержал гнедых, Агапе успела рассмотреть желтый обрыв и пену зарослей. Где-то там зеленел незаметный среди чужой листвы бересклет, под которым она видела смерть и слышала свирель. Женщине показалось, что свирель поет и сейчас, но, конечно, только показалось.

III

Сумерки почти стали ночью, деревья превратились в силуэты, за которыми озеро пыталось слиться с небом и не могло из-за облаков. Розовые с сиреневой, узкие и длинные, они легли на холодную синь тремя мечами, и к ним от невидимого дальнего берега стремились такие же узкие сиренево-розовые облака-лучи, образуя кривую решетку. То, что творилось на небесах, вполне тянуло на знамение, но Марк знамениям не верил. Старым сказкам о бессмертных верил, гонялся за ними по всей империи, а пророчествам и приметам — нет, хотя с Агапе фавн и впрямь напрогночил... Как и новую встречу.

Певец поморщился — воспоминания были не из приятных, даже не воспоминанья — предопределенность. Загадываешь, ищешь, надеешься — а все уже предreshено, пусть к лучшему, но не тобой. Марк поднялся и занялся костром — свалившийся на голову фавн до такого не снисходил, сидел, витийствовал и чесался. Закат совсем обезумел, облачная решетка стала тьмой, тьмой стало и поле с гребнем леса, а меж ними текло червонное золото.

— Эгей!

Что-то шлепнулось рядом, что-то тяжелое.

— Что это? — не понял Марк.

Фавн не ответил — усиленно, даже слишком усиленно жевал, но певец уже узнал кошелек Агапе. Нашелся, дрянь эдакая!

— Надо же, — Марк поднял предательский мешочек, — ремень перетерся.

— Нет, — покачал головой козлоног, — не перетерся. Это я его взял. Из-за нее. Другие ко мне за козлиным приходят. Они мне покушать, я им — сам понимаешь, и все довольны. А Агапе не такая, она меня понимала...

— Тебя?!

— Меня. Ее ведь убить хотели, дура одна... Я не дал, а потом я ей играл... Небеса всемогущие, как же она слушала и *как* я играл! Я заставил ее увидеть весну, виноградники, розы, даже твоих титанов... Я сам стал титаном!

— Опять врешь, — попытался усмехнуться Марк.

— Нет. — Фавн отпихнул сыр и заплакал. — Я... Она больше не приходила... Ни разу... Эта дура сказала: уехала... Далеко. Насовсем... И не простилась! Так слушала и не простилась... Обидно!

Обидно ему!.. Скотина ревнивая, но судьбы нет, не считать же судьбой влюбившегося фавна! Сперва врал, потом крал, теперь приперся невесть куда и ревет... Веселая из такой любви песенка вышла бы, веселей не бывает.

— Другие — те все время лезли... — Поганец хлюпнул носом: себя жалеть он умел. — Надоели... Не хочу быть скотом! Пошел искать тебя, я ведь тебя слышал, а раз услышавши... Эхо, оно такое, не глохнет.

— Ну и что ты от меня хочешь?

— Найди ее, а!

— Вот так вот и найди! После всего...

— А что? — не понял козлоног. — Ее этот увез... Который вино продает... Хорошее вино вроде, многие пьют. Ты найдешь! Я имен не помню, мы ведь отказались от них, от имен-то, когда из чужой войны ушли. Нет имени — нет слова, нет слова — значит, свободен... Только одно имя и застряло — Агапе... Найдешь?

— Нет.

Искать Агапе? Для чего? Увидеть счастливой? Несчастной? Любой? Вернуть деньги и стать в ее глазах вором? Нет уж, что кануло, то кануло. И хорошо, кстати говоря.

— Не хочешь? — наседали козлоногое существо. — Почему? Обиделся? Так не вышло бы у вас ничего... Я ж говорил тебе, не твоя она...

— Так ведь и не твоя.

— А кто говорит, что моя? Я бы просто... Она бы плакала, а я б ей играл. Всем бы было хорошо...

— Ей особенно! — Певец поднялся. — Когда хорошо, всегда плачут.

— Так найдешь?

— Нет.

— Тогда отдавай... Деньги отдавай, сам буду искать.

— Нет.

Тысяча монет. Выкуп за невесту... Цена велонской китары. Чем тебе не жена? Дорога да китара, а большего ты никогда не хотел и сейчас не хочешь, просто обидно за обман. Да и за отказ, хотя такие, как Агапе, по дорогам не бродят. Они на дорогах чахнут, пусть уж лучше живет со своим виноторговцем, и ты живи.

Небо больше не будет легким.
Хрипом в сгубленных песней легких,
Кровью песней резанных пальцев
Метит Небо своих скитальцев...

Несколько догорающих веток или последний клочок небесного буйства? Не поймешь,
как не поймешь, что же досталось смертным — жалкие, ненужные богам крохи или же
нечто, недоступное тем, кто не познал неизбежности конца.

Это Небо тебя назвало,
Это Время тебя украло,
Это ты, что прощаешь Время.
Это ты. Ты один. Со всеми.

— Эгей! Ты чего?

— Ничего... Помолчи, дай записать...

Это ты, что прощаешь Время...